

что доминирующее значение в данном процессе принадлежит социокультурной составляющей.

¹ *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 794.

² См.: *Современное* понимание жизненных сил человека: от метафоры к концепции (становление виталистской социологической парадигмы) / Под ред. С.И. Григорьева, Л.Д. Деминой. М., 2000; Григорьев С.И. Виталистская социология: парадигма настоящего и будущего (избранные статьи по неклассической социологии). Барнаул, 2001 и др.

³ *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вст. статья и комментарии В.В. Сапова. М., 2006. С. 84.

⁴ Там же. С. 768–784.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-03-00517а)

Л.Я. Подвойский
(Россия, г. Астрахань)

Образование вообще и высшее образование в частности является одним из столпов всякой государственности, культуры и цивилизации. Сегодня уже невозможно представить себе мир без развитой системы образования. Образование начинает диктовать свои условия обществу и власти, поскольку чутко реагирует на все изменения, которые происходят в мире. Движение мысли (идеи, инициативы), действительно, идет от образования к власти, ибо нынешняя власть существовать сама по себе, без специальной системы образования уже не может.

Роль высшего образования в формировании интеллектуального потенциала столь велика, что всякая попытка как-то принизить или пересмотреть данный тезис непременно приводит нас к нигилизму и отрицанию прогресса. Сегодня ни одно уважающее себя общество не может обойтись без образования, и высшего образования в частности. При этом речь не идет о формальном наличии высшей школы. Сегодня речь уже идет о качестве (элитности) предлагаемого образования.

Какие факторы в настоящее время особенно препятствуют нормальному развитию интеллектуального научного потенциала? Их несколько. Это и коррупция в сфере высшего образования, и непонятные реформы, проводимые государством, и низкая зарплата профессорско-преподавательского состава, и отсутствие единого научного и образовательного пространства. Но эти трудности лишь видимая часть айсберга под названием «проблемы переходного времени». Под «переходным временем» мы имеем в виду цивилизационный переход от развитого индустриального общества к постиндустриальному миру (или информационному обществу). Стоит отметить и смену политических режимов, период характеризуемый как «постсоциализм», или «демократический» период. Этот вектор трансформации носит модернизационный характер и призван ликвидировать общее технологическое отставание России от развитого западного мира. Совпадение этих двух переходов – модернистского и системно-цивилизационного – еще больше усложняет и запутывает ситуацию.

Современное российское образование страдает многими заболеваниями переходного времени. В этом плане можно услышать одновременно как обвинения, так и оправдания в адрес образовательной российской системы. Злоупотребления в сфере образования стали своего рода отражением процесса криминализации российского общества, и особенно – политической власти, чиновничьего аппарата. И как всегда

нашлись свои «стрелочники». Ими оказались преподаватели. Но журналистские расследования показали, что за этими злоупотреблениями стоит само государство в лице ряда коррумпированных чиновников высокого ранга, которые и породили целую систему коррумпированных высших учебных заведений¹.

Такая преступная практика не имеет ничего общего с системой высшего образования в общем. Более того, она является одним из основных тормозов в процессе развития интеллектуального потенциала современной России. Обществу пора четко понять, что в вузах есть «чиновники» и есть «ученые». Ученым некогда заниматься криминальной деятельностью. Они занимаются развитием науки. В то время как для чиновников (и министерских, и вузовских) в условиях хронического недофинансирования создаются благоприятные условия для незаконной предпринимательской деятельности.

Другой причиной, во многом препятствующей нормальному развитию науки в высшей школе, являются непрерывные реформы, которые с конца XX в. сотрясают наши учебные заведения. На местах (в регионах) подчас не понимают «великие замыслы» московских чиновников, в очередной раз намеривающихся осуществить какие-либо преобразования.

Низкая зарплата профессорско-преподавательского состава является еще одной причиной, тормозящей рост интеллектуального потенциала. У ученого, попавшего в такую ситуацию, время начинает расходоваться не на профессиональную деятельность (науку), а на решение бытовых проблем. Дефицит времени в конечном счете и предопределяет успех или неудачу его научной карьеры.

Наконец, еще одна трудность носит уже системный характер – отсутствие или низкий уровень развития единого научного пространства. Интеллектуальное развитие человека непосредственно зависит от того, насколько он оказывается способным развить свои умственные способности и удовлетворить свои базовые духовные потребности. В случае, когда социальная среда не создает необходимых условий для нормального развития умственных способностей личности или, напротив, даже мешает ей в этом, говорить о перспективах интеллектуального роста не приходится. В этих случаях роль государственной поддержки и альтруистического подвижничества наиболее сознательных граждан всегда бывает особенно ценной.

В истории бывают времена, когда социальные проблемы подавляют необходимые условия для развития творческих способностей личности. Но такое положение долго сохраняться не может. Это, как правило, краткие моменты истории. Творчество всегда самовоспроизводится и самим фактом своего самовопроизводства подавляет негативные тенденции своего времени. Социальные катаклизмы разрушительны, но по своей мощи они все равно уступают творческому началу. Примером тому служит отечественная история последнего десятилетия XX в.

Особенно катастрофическими для развития отечественного интеллектуального потенциала стали 1990-е гг. прошлого столетия. Тогда, можно сказать, произошел настоящий «обвал» системы науки и образования. На грань выживания была поставлена сама Россия. Резкое сокращение научного и образовательного потенциала в стране создало вакуум, грозящий превратиться в «черную дыру», способную поглотить Россию как цивилизацию.

Современное российское общество в последние годы вышло из кризиса 1990-х гг., когда образование (особенно высшее) было непрестижным и весьма затратным капиталовложением. Сегодня *вложения в человеческий фактор* вновь стали востребованными. Но именно кризис в области культуры, науки и образования повлек за собой кризис воспроизводства культуры, науки и образования. Речь идет об интеллигенции, которая оказалась в прямом смысле на грани физического выживания. Проблемы в высшем образовании повлекли за собой и проблемы формирования интеллектуального потенциала России 1990-х гг.

Самый известный советский диссидент Владимир Буковский (его в декабре 1976 г. обменяли на лидера коммунистической партии Чили Луиса Корвалана) «преувеличенно спокойно» говорил о том, что в России интеллигенция себя изжила, что ему не жалко вымирающий класс ученых. «Доля ученых, культурных деятелей в Рос-

сии резко сократилась. Но разве это плохо? В СССР было миллион писателей, во всяком случае, столько людей состояло в их союзе. Были тысячи научных институтов. А зачем они были нужны? Другой вопрос, что уменьшилось количество тех, кого можно причислить к интеллигенции, и в мире в целом. Нынешнее время я бы вообще назвал годами поколения быдла. Никого сейчас не интересует не только наука, но и искусство, литература. Но никакой трагедии тут нет. Уже растет новое поколение: 10–20-тилетним опять интересны не только и не столько деньги, сколько вечные ценности. Современные дети учатся, работают с утра до ночи. Овладевают языками, интересуются историей. Я возлагаю огромные надежды на это поколение. Именно за ними возрождение России и мира»².

Мы не будем столь категоричны, как только что процитированный нами автор, поскольку как раз «никому не нужные» советские писатели и ученые и составляли в советское время основу отечественной интеллигенции. Другое дело, что они были не совсем по назначению использованы, но что в то время вообще в СССР использовалось по назначению? Понятно, что для развития науки и литературы нужно не количество, а качество. Однако для нормального состояния интеллигенции нужен как раз количественный показатель, ибо интелленты составляют культурный слой общества, без которого даже самая высококачественная наука и литература не будут нужны.

Кризис 1990-х гг. привел даже к тому, что в вузах обострились отношения между студенчеством и профессорско-преподавательским составом: все чаще преподаватели выражали недовольство в связи с тем, что студенты не испытывали к ним должного уважения, были невнимательны, не готовились к занятиям, плохо их посещали, слабо и бессвязно отвечали на экзаменах; среди студентов все шире распространялся «незаинтересованный прагматизм»³, обусловленный тем, что они были не уверены в практической полезности тех знаний, которые им предлагаются в вузе, для будущей профессиональной деятельности.

Многочисленные исследования тех лет показывали, что к образованию значительное число студентов относилось сугубо инструментально, желая просто получить диплом⁴. Да и эта ценность в «лихие 1990-е гг.» становилась все более относительной: все чаще учеба рассматривалась студентами как занятие несущественное, как безрадостная альтернатива безработице или службе в армии⁵.

Следует напомнить, что именно от качества развития диалога политических элит и интеллигенции зависит то, как общество в целом ставит диагноз своему времени и как оно формирует ответ на его вызов⁶. Еще К. Мангейм утверждал, что если политическая элита не справляется с выполнением своих обязанностей, она должна призвать к себе на помощь интеллигенцию. В России такого времени, по всей видимости, никогда не будет, поскольку элита власти ни при каких, даже критических, ситуациях не признается в своих собственных ошибках. О чем это свидетельствует? Это говорит о том, что воспроизводство традиций самой элитой оказывается намного мощнее, чем те научные, культурные и этические традиции, которые закладывались для воспроизведения в процессе обучения в высшей школе.

Одной из базовых универсальных норм современного американского общества является «формула», сочетающая, с одной стороны, признание естественности культурного, расового, религиозного, этнического плюрализма (вплоть до плюрализма сексуальной ориентации) и искренняя вера американцев в восходящую социальную мобильность – с другой, которая обеспечивается, в первую очередь, за счет получения качественного (элитного) образования. По данным на 1995 г., системой взрослого образования были охвачены 189,543 тыс. американцев при населении чуть больше 270 млн, а в сфере высшего образования задействовано более 15 млн учащихся, которые учатся в более чем 3,7 тыс. высших учебных заведениях⁷. Образование создает предпосылки для восходящей социальной мобильности. При этом вера в нее основывается на рациональных ограничениях («есть сферы не для меня»), что проявляется и в малом, и в большом⁸.

В России, особенно в политике, мы пока не обнаруживаем такой взаимосвязи – зависимости социальной мобильности от качества получаемого индивидом образования. Но в тех сферах, где интеллект начинает играть ведущую роль, начинают посте-

пенно рушиться прежние стереотипы индустриального века и замещаться ценностями уже постиндустриального характера. По мнению сторонников реформы высшего образования, оно перестает отвечать требованиям рынка – выпускники оказываются неподготовленными к тому, чтобы сразу же после окончания вуза начинать свою трудовую деятельность по полученной специальности. Ситуация усугубляется и тем, что часто студенты не знают своих предпочтений по поводу трудоустройства. Проводимые в нашей стране социологические исследования показывают, что «более половины студентов выпускных курсов вузов были убеждены, что по специальности работать не будут никогда. Шансы получить работу в соответствии со своими желаниями и запросами сразу после получения диплома выпускники, которые не планировали сразу начать новое обучение, оценивали в среднем на 3,6 баллов по пятибалльной системе»⁹.

В наступившем XXI столетии высшее образование должно стать базовым инструментом в деле преобразования индустриального общества в постиндустриальное. Сегодня уже многие осознали это. Но на этом пути есть и свои трудности. Главная из них – это отсутствие должной научной экспертизы многих проектов, осуществляемых в этом регионе. Здесь по-прежнему чиновник считает себя умнее ученого. Только в последние годы в результате развития территориального планирования власти были вынуждены обратиться за научной экспертизой и получить объективную оценку своих действий¹⁰.

Южная Россия – это тот регион нашей державы, где постиндустриальные тенденции упираются в сложившиеся столетиями еще доиндустриальные духовные ценности, которые становятся весьма существенным препятствием в деле модернизации современного российского общества. В ближайшее время должен начаться процесс «притирания» этих двух противоречий. Для поступательного развития эти противоречия должны быть сняты, причем сняты не через конфликт, а через синтез.

Южная Россия между тем имеет не только сельскохозяйственный и курортный потенциал. В последние годы все чаще о себе начинают заявлять именно университеты и различные научные коллективы и сообщества.

Субъекты ЮФО имеют традицию применять на практике научные разработки в сфере сельского хозяйства и добычи сырья. Но здесь практически отсутствует культура применения разработок в области гуманитарных и социальных направлений. «Общественники» здесь не востребованы и не котируются. Причины этого, по всей видимости, следует искать в традиционном укладе проживающих здесь этносов (а они здесь весьма многочисленны). Возникающее противоречие между патриархальностью (традиционализмом) и ценностями европейской науки решаются не в пользу последней. Европейской науке здесь принято скорее не доверять, чем слепо следовать ее установкам. Недоверие объясняется тем, что духовные ценности этих народов (Кавказа и Азии) идут порой вразрез с культурно-историческими ценностями их предков, которые были дистанцированы от Европы не столько географическими, сколько психологическими, религиозными и политическими показателями.

Образование и наука – это те институты общественного развития, которые способствуют снятию конфликтов, постоянно возникающих между культурами и политическими системами. К сожалению, в «лихие 1990-е гг.» этого не случилось. И наука, и образование оказались бессильны перед лицом массового нравственного одичания, и сами чуть было не стали жертвами негативных социокультурных процессов.

По мнению зарубежных специалистов, основным предзнаменованием высшего образования должна быть не передача знаний и умений, а обеспечение широкого научного и культурного уровня специалиста, подготовка культурного человека; поиск определенного баланса между обучением и научно-исследовательской работой, которая является важнейшей функцией высшей школы; нацеленность университетов на распространение мировой культуры и приобщение студентов к общим нормам цивилизованного общества¹¹.

Сейчас очевидно, что в условиях перехода общества от индустриального к постиндустриальному меняются и требования, предъявляемые высшей школе. В годовых отчетах подавляющего большинства вузов мы постоянно встречаем, словно ка-

кое-то заклинание, одну и ту же формулу – усовершенствовать работу, перейти на инновационные системы и т.д. Вузы перестали гнаться за количественным показателем и обратили внимание на качество. Но не всегда качество служит мерилем их работы. Особо следует подчеркнуть, что высшее образование становится краеугольным камнем в деле создания программы по национальной безопасности и формированию ответа на вызов XXI столетия.

¹ *Корольков И.* «Черные дипломы» // Новая газета. 2006. № 58 (1180). С. 10.

² *Буковский В.* Ворчание последнего диссидента // Аргументы и факты. 2004. № 2 (1211). С. 10.

³ *Акопян К.* Кто главный в вузе // Полигнозис. 1999. № 3.

⁴ *Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Студент 90-х – социокультурная динамика // Социс. 2000. № 12.

⁵ *Губин Ф.* Пигарева И. Кому нужен ваш диплом? // Деньги. 1999. № 22.

⁶ *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. Манхейм К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры: В 2 Ч. М., 1993.

⁷ *Statistical Abstract of the United States.* 119 ed. Washington, 1999. P. 209, 194–195.

⁸ *Кравченко С.А.* Проблемы российской ментальности: границы возможного для элиты // Элитное образование: мировой опыт и модель МГИМО: Сб. науч. тр. / Общ. ред.: проф. Г.К. Ашин, проф. С.А. Кравченко. М.: МГИМО(У), 2002. С.125–133.

⁹ *Добрынина Е.* Научи ученого // Российская газета. 2007. № 258 (4521). С. 5.

¹⁰ *Годунова Е.* Зона расселения // Российская газета. 2007. № 263 (4526). С. 11.

¹¹ *Тарасюк Л.Н., Цейткович К.Н.* Образование в Великобритании // Социально-политический журнал. 1997. № 1. С. 158.